Matériaux inédits pour la biographie. Tome IX.

Новые матеріалы
по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные
на основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ IX.

АЛЕКСАНДРЪ I

его личность, правленіе и интимная жизнь.

Составилъ Г. Н. Алексѣевъ.

ЛОНДОНЪ
1908.

Оик

зару

Кн. чист. стр. все.

НАДОРВ. УГ. ТИТ. ЛИСТА

Matériaux inédits pour la biographie. Tome IX.

Новые матеріалы
по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные
на основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ IX.

Александръ I
его личность, правленіе и интимная жизнь.

Составилъ Г. Н. Алексѣевъ.

ЛОНДОНЪ
1908.

Среди монарховъ, удостоившихся носить „шапку Мономаха“ Александръ I, или какъ онъ впослѣдствіи царевыми льстецами былъ названъ, „Благословенный“, занимаетъ особое мѣсто. Подъ его царствованіемъ Россія впервые, можно сказать вступила на широкій путь международнаго политическаго общенія, и съ извѣстной точки зрѣнія можетъ быть оправдываемъ взглядъ, неоднократно высказанный въ Западной Европѣ, что „европейскій“ періодъ русской исторіи, начинается, въ сущности съ восшествіемъ на престолъ Александра.

Вина въ томъ, что подъ царствованіемъ Александра Россія была вовлечена въ водоворотъ европейской политики, конечно не можетъ быть приписываема старшему сыну Павла. Весь европейскій Западъ при восшествіи его на престолъ переживалъ историческій періодъ переоцѣнки всѣхъ считавшихся доселѣ незыблимыхъ политическихъ началъ. Скромный корсиканскій офицеръ, Бонапарте, гигантскими шагами приближался къ зениту своей славы и власти. Вся

карьера Наполеона протекла при жизни и царствованіи Александра, при немъ же совершилось паденіе этого глашатая и распространителя, а потомъ и покорителя политическихъ принциповъ французской великой революціи. Представлялась, конечно возможность, чтобы въ періодъ борьбы за и противъ идей французской революціи, наши тогда руководящія сферы держались въ сторонѣ и только издали наблюдали за великой международной борьбой на Западѣ. Трудно предположить, чтобы въ Россіи начала 19-го столѣтія, идеи эти могли бы настолько революціонировать народъ, что явленіе это могло бы, съ точки зрѣнія правителей, разрастись до фактора, серіозно угрожающаго цѣлости и спокойствію Имперіи. Съ этой точки зрѣнія всякое вмѣшательство Россіи въ междуусобную борьбу иностранныхъ государствъ съ Франціей и ея союзниками была совершенно излишня. Необходимо оно было, опять таки, конечно, съ точки зрѣнія этихъ сферъ и въ интересахъ престижа монархическаго, и притомъ легитимистическаго, начала, и въ связи съ этимъ и въ интересахъ той касты, которая существуетъ и только можетъ существова ь въ абсолютно управляемой странѣ, и въ особенности въ странѣ, въ которой абсолютизмъ отличался такой крайностью и последовательностью, въ которой онъ принялъ наиболѣе омерзительныя формы, какъ въ Россіи, доставшейся Александру отъ такого предшественника, какъ Павла.

Время, въ которое Александръ былъ призванъ править Россіей, было такимъ образомъ чрезвычайно важное и серіозное. Волей судебъ, и именно судебъ, какимъ мы увидимъ ниже, а не самого вѣнценосца, Россія въ теченіи довольно долгаго и важнаго времеми была призвана играть выдающую и даже руководящую въ международной политикѣ роль. Насколько Александръ воспользовался и насколько онъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ былъ въ состояніи воспользоваться представившимся ему благопріятнымъ положеніемъ для управляемаго имъ государства, въ смыслѣ укрѣпленія его вліянія среди европейскихъ державъ, а также въ смыслѣ культурнаго и политическаго подъема управляемыхъ имъ народовъ, мы постараемся изложить въ слѣдующихъ строкахъ, развернувъ передъ читателями, главнымъ образомъ, внутреннюю, такъ сказать, интимную сторону жизни и духовнаго развитія старшаго сына Павла, стоявшаго во главѣ управляемаго имъ государства 24 года, вошедшаго на престолъ вслѣдствіе трагической кончины отца своего, и уступившаго державу россійскую также при обстоятельствахъ, по настоящій моментъ еще окончательно не выясненныхъ.

Александръ родился 12 декабря 1777 года. Онъ былъ сыномъ Павла отъ вторАго брака съ вюртембергской принцессой Маріей Феодоровной. Наиболѣе выдающійся историкъ Россіи этого времени, Шиль-

деръ, а также профессоръ Ключевскій не раздѣляютъ мнѣнія, что Александръ, благодаря хлопотамъ бабушки Екатерины, получилъ хорошее воспитаніе; онъ былъ воспитанъ очень заботливо, но не хорошо, и не хорошо именно потому, что слишкомъ заботливо. Вскорѣ послѣ рожденія бабушка, которая считала себя большой педагогичкой, оторвала внука отъ матери, чтобы воспитать его по правиламъ тогдашней философской педагогики, т. е. „по законамъ разума и въ принципѣ добродѣтели.“ Тогда „Эмиль“ Руссо считался ходячимъ учебникомъ такой педагогіи; этотъ учебникъ требовалъ, чтобы воспитаніе давалось человѣку крѣпкое, закаливавшее противъ всѣхъ житейскихъ и физическихъ невзгодъ; согласно съ этимъ Екатерина помѣстила маленькаго внука въ комнатѣ Зимняго Дворца, обращенной окнами къ Адмиралтейству, чтобы заранѣе пріучить ухо его къ пушечнымъ выстрѣламъ; но слуховой нервъ ребенка не вынесъ преждевременнаго закала, и великій князь на всю жизнь остался тугъ на одно ухо. Когда внукъ сталъ подрастать, она составила планъ воспитанія, по обычаю своему довольно полными пригоршнями зачерпнувъ правила въ буквальномъ переводѣ изъ сочиненій Локка. Вмѣстѣ съ тѣмъ образованъ былъ штатъ воспитателей; главнымъ изъ наставниковъ былъ избранъ полковникъ Лагарпъ, швейцарскій республиканецъ, восторженный, но осторожный поклонникъ тогдашнихъ французскихъ

идей, „ходячая и говорливая французская книжка“. Учить великаго князя русскому языку призванъ былъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, очень почтенный и образованный человѣкъ и очень недурный писатель въ либерально-комическомъ и сантиментально-дидактическомъ направленіи. Наконецъ, общій надзоръ за воспитаніемъ порученъ былъ графу Салтыкову, одному изъ вельможъ Екатериненской школы, который зналъ твердо только одно, какъ жить при дворѣ, дѣлалъ, что скажетъ жена, и подписывалъ, что подастъ секретарь; впрочемъ его партитура въ этомъ педагогическомъ оркестрѣ состояла въ томъ, чтобы предохранять великаго князя отъ сквознаго вѣтра и засоренія желудка. Лагарпъ, по его собственному признанію, принялся за свою задачу очень серіозно какъ человѣкъ, сознающій свою обязанность передъ великимъ народомъ. Онъ началъ читать съ великими князьями, съ Александромъ и Константиномъ, которые ему были поручены, латинскихъ и греческихъ классиковъ, Демосфена, Плутарха, Тацита; англійскихъ и французскихъ историковъ, философовъ и публицистовъ: Локка, Гиббона, Руссо, Мабли и т. д. Во всемъ, что онъ говорилъ и читалъ питомцамъ, шла рѣчь о человѣческомъ разумѣ, о человѣческомъ благѣ, о происхожденіи общества, о равенствѣ людей, о справедливости и настойчивѣе всего о свободѣ человѣка, о нелѣпости и вредѣ деспотизма, о гнусности рабства и т. д. Добрый и умный

Михаилъ Муравьевъ подливалъ масла въ огонь, читая ребенку свои идилліи о любви къ человѣчеству, о законѣ мысли, заставляя переводить все тѣхъ же Локка, Гиббона, Руссо и т. д. Все это говорилось и читалось будущему самодержцу россійскому въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, т. е. довольно преждевременно. Въ эти годы, когда люди живутъ непосредственно впечатлѣніями и инстинктами, отвлеченныя идеи превращаются у нихъ въ политическіе образы, моральные принципы въ чувства; преподаваніе Лагарпа и Муравьева не давало ни реальныхъ знаній, ни логической дрессировки ума, не вводило въ историческую дѣйствительность и не могло еще серіозно возбуждать и направлять мысли; высокія идеи въ умѣ двѣнадцатилѣтняго политика и моралиста отлагались какъ политическая и моральная сказка, наполнявшая дѣтское воображеніе недѣтскими образами и волновавшая его незрѣлое сердце очень зрѣлымн чувствами. Если мы прибавимъ къ этому графа Салтыкова съ его доморощеннымъ курсомъ придворной гигіены и придворныхъ манеръ, то легко замѣтить, какой пробѣлъ оказался въ воспитаніи великаго князя; „его учили, какъ чувствовать и какъ держать себя, но не учили, какъ мыслить и дѣйствовать, ему не задавали ни житейскихъ, ни научныхъ вопросовъ, которые бы онъ разрѣшалъ самъ, ошибаясь и поправляясь; ему на все давали готовый отвѣтъ, политическіе и нравственные

догматы, непререкаемыя истины, которыхъ не нужно; оставалось только прочувствовать и затвердить; его не заставляли ломать голову, его не воспитывали, а какъ сухую губку пропитывали дистиллированной и общечеловѣческой моралью, насыщали лакомствами европейской мысли. Великій князь не познакомился со школьнымъ трудомъ, съ его миньятюрными горями и радостями; онъ не видалъ борьбы школьника съ учебникомъ, не испыталъ побѣдъ на холодныхъ поляхъ ученическихъ тетрадей, тѣхъ побѣдъ и пораженій, которыя, можетъ быть, одни только и даютъ школѣ серіозное воспитательное значеніе. Александръ очень много читалъ, еще больше слушалъ, но онъ мало учился!“ Изъ записокъ второстепенныхъ русскихъ учителей мы часто видимъ горькія жалобы на его праздность, медленность и лѣнь, нелюбовь его къ т. н. упражненіямъ. Когда великій князь подросъ настолько, чтобы понимать, а не чувствовать лишь возвышенные уроки Лагарпа, онъ искренно привязался къ идеалисту-республиканцу и сталъ слушать его съ наслажденіемъ, только то былъ художественный моціонъ, а не умственная работа Благодаря преподаванію Лагарпа и Муравьева легко понять, какой обильный пріемъ политическихъ и нравственныхъ идилій данъ былъ великому князю. Эта идиллія подѣйствовала на его вкусы; великій князь сталъ рано думать о сельскомъ уединеніи, не могъ безъ восторга пройти мимо поле-

вого цвѣтка, крестьянской избы и т. п.; онъ рано привыкъ скользить по житейскимъ явленіямъ легкимъ взглядомъ того человѣка, для котораго жизнь — пріятное препровожденіе, а міръ обширный кабинетъ для эстетическихъ и политическихъ наслажденій. Съ лѣтами все это измѣнилось. Случилось такъ, что этотъ обширный и полезный процессъ въ Александрѣ былъ прерванъ. Зная по опыту, какъ добродѣтель таетъ легко подъ палящими лучами страсти, императрица Екатерина поспѣшила застраховать своего внука, женивъ его въ 1793 г., когда ему не исполнилось еще 16 года; для этого была призвана Баденская принцесса Елизавета Алексѣевна. Каковъ бы ни былъ взлядъ на бракъ, но правъ Фонвизинскій недоросль, сказавъ, что женитьба или замужество — конецъ ученію. Теперь для Александра пошли другіе интересы, началось другое развитіе, непохожее на прежнее юношеское. Грецiя и Римъ, республика, свобода, равенство, какое же мѣсто, спрашивается, въ этомъ калейдоскопѣ героическихъ образовъ и политическихъ идеаловъ занимаетъ Россія со своимъ невзрачнымъ прошедшимъ, съ неограниченной монархіей, съ крѣпостнымъ правомъ и т. п. особенностями политическими и соціальными; какъ въ головѣ великаго князя родная дѣйствительность могла укладываться съ тѣмъ, что проповѣдовалъ гувернеръ-республиканецъ? Очень просто: ее, эту дѣйствительность, признавали какъ

фактъ низшаго разббра, какъ стихійное неразумное явленіе, признавали ее и игнорировали, т. е. ничего объ ней больше знать не хотѣли. Лагарпъ въ этомъ отношеніи поступалъ съ великимъ княземъ какъ въ былое время поступала гувернантка съ дѣвушкой. Воспитательница, дѣвица не первой молодости, нарисуетъ, бывало, воспитанницѣ очаровательный міръ благовоспитанныхъ людскихъ отношеній, основанныхъ на правилахъ строгой морали, строжайшей вѣжливости, въ которомъ даже показать кончикъ носка изъ подъ платья грѣхъ — и вдругъ обѣ дѣвы тутъ же въ домѣ налетаютъ на натуральную сцену: юная устремитъ на старую изумленный и сконфуженный взглядъ, а та успокоитъ ее и скажетъ: „ничего, иди къ себѣ". Лагарпъ осторожно обходилъ больныя мѣста русскаго государственнаго и общественнаго порядка, а впослѣдствіи онъ совѣтовалъ питомцу и не лѣчить ихъ. Съ грузомъ античнаго образованія и самоновѣйшихъ политическихъ идей, Александръ вступилъ въ дѣйствительную жизнь. Она встрѣтила его не то, чтобы сурово, а какъ то безсмысленно. Бабушкинъ внукъ онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сыномъ своего отца и сталъ въ очень неловкое положеніе между отцомъ и бабушкой; то были два двора, два особые міра; нравственное разстояніе между ними было несравненно шире географическаго. Каждую пятницу старшіе великіе князья, Александръ и Константинъ, должны были

отправляться въ Гатчину; по субботамъ бывалъ парадъ, Гатчинскій вахтъ-парадъ, слѣдовательно не шутка. Старшій великій князь былъ командиромъ втораго батальона, младшій третьяго, вечеромъ они возвращались въ Петербургъ. Въ Гатчинѣ Александръ слушалъ жестокую команду, суровыя слова, непріятные казарменные жесты и размахиванья; а вечеромъ, возвратясь въ Петербургъ, попадалъ въ салонъ Екатерины, въ тѣ залы Зимняго Дворца, которыя назывались Эрмитажемъ, уединеніемъ, и гдѣ императрица проводила вечера въ избранномъ обществѣ; здѣсь шли толки о самыхъ важныхъ политическихъ предметахъ, велись самыя остроумныя бесѣды, шутились самыя изящныя шутки, смотрѣлись самыя отборныя французскія пьесы, а грѣшныя дѣла и чувства облекались въ самыя опрятныя прикрытія.

Вращаясь между двумя столь непохожими дворами, Александръ долженъ былъ жить на два ума, держать двѣ парадныя физіономіи, кромѣ ежедневной-домашней. Какая школа для выработки натянутости, осторожности, скрытности, неискренности и какъ мало она была похожа на школу Лагарпа и Муравьева . . .

Со смертью Екатерины кончилась двухсмысленная жизнь; она замѣнилась однообразными, но очень суровыми тревогами; эти тревоги происходили изъ старинныхъ отношеній отца къ сыну; отецъ рано сталъ

питать недовѣріе къ сыну, рано отъ него оторванному; сынъ сталъ рано питать нѣкоторое недовѣріе къ отцу. Оба они были неправы и оба не были виноваты. Съ воцареніемъ Павла, Александръ назначенъ былъ на постъ военнаго губернатора въ Петербургѣ и командиромъ расположенныхъ въ округѣ войскъ; онъ долженъ былъ испытывать ежедневныя тревоги, трепетать вмѣстѣ съ обществомъ передъ новыми замыслами государя. Эти тревоги среди которыхъ завязалась популярность великаго князя, надолго набросила тѣнь на его настроеніе. Надо признаться, что Александръ шелъ къ престолу не особенно гладкой и ровной дорогой; съ пеленокъ надъ нимъ перепробовали немало мудренныхъ и причудливыхъ воспитательныхъ экспериментовъ; его не во время оторвали отъ матери для опытовъ разной естественной педагогіи; ни въ бабушкиномъ салонѣ, ни на отцовскомъ вахтпарадѣ, ни въ Лагарповской аудиторіи его не выучили какъ слѣдуетъ родному языку; современники свидѣтельствуютъ, что Александръ до конца жизни не могъ вести по русски разговора о какомъ нибудь сложномъ предметѣ. Такъ воспитывался великій князь и съ такимъ запасомъ понятій, чувствъ и наблюденій онъ вступилъ на престолъ. Давно уже у него сложился политическій идеалъ, который онъ высказывалъ въ бесѣдѣ съ рѣдкими людьми, къ которымъ относился откровенно; къ числу ихъ принадлежалъ молодой образованный полякъ

Адамъ Чарторійскій, котораго приставила къ нему мать. Князь Адамъ Чарторійскій позже уже вспоминалъ эти бесѣды съ великимъ княземъ, отъ которыхъ онъ былъ въ большомъ восторгѣ. Александръ, встрѣтивъ въ окружающемъ обществѣ единственнаго человѣка, передъ которымъ онъ могъ открыться, кажется старался вынести изъ души все, что тамъ лежало; онъ открыто признавался, что ненавидитъ деспотизмъ, въ какихъ бы формахъ онъ не проявлялся и слѣдилъ съ живымъ участіемъ за ходомъ французской революціи, за рожденіемъ французской республики и желалъ ей всякаго успѣха; онъ высказывалъ также, что считалъ наслѣдственную власть нелѣпымъ учрежденіемъ, что выборъ лица, носителя верховной власти, долженъ принадлежать не рожденію, а голосу націи, которая всегда выберетъ лучшаго управителя.

Съ этимъ идеаломъ онъ вступилъ на престолъ тутъ впервые онъ вѣроятно долженъ былъ встрѣтиться съ русской дѣйствительностью; прежде онъ зналъ либо салонъ, либо казарму. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ почувствовать страшную пропасть между его привычными любимыми идеями и между столь же привычными, хотя и нелюбимыми фактами русской жизни. Отсюда изъ такого воспитанія онъ вынесъ свой главный недостатокъ: отсутствіе чутья дѣйствительности, практическаго глазомѣра; это чутье и глазомѣръ не даются даромъ. Александръ зналъ факты,

но искусственные, пробовалъ грязь, но дѣланную; онъ зналъ грязь салона, грязь казармы, но не знакомъ былъ съ той житейской грязью, на которую обрекъ человѣка самъ Создатель, сказавъ: „въ потѣ лица добывай хлѣбъ свой“. Онъ не вынесъ ни привычки, ни любви къ процессу труда; отсюда идиллическій взглядъ на ходъ людскихъ дѣлъ; онъ вступилъ на престолъ съ истиннымъ желанія добра всѣмъ людямъ и онъ былъ увѣренъ, что достаточно пожелать добра, чтобы осчастливить людей, что благоденствіе водворится среди людей какъ то вдругъ и притомъ не будетъ сопровождаться ни напряженіемъ, ни стѣсненіемъ для личной власти Александра; свобода какъ то водворится безъ всякой потери для власти, власть какъ бы устоитъ безъ всякой потери для свободы; однимъ словомъ то была политическая идиллія. Практическій человѣкъ никогда не задаетъ жизни широкихъ задачъ, зная, что не въ силахъ разрѣшить ихъ, но онъ никогда не пугается передъ препятствіями, какія ставитъ жизнь. У Александра не было знанія ни того, ни другого; онъ вступилъ въ правительственную дѣятельность съ слишкомъ широкими мечтами, но при встрѣчѣ съ первыми препятствіями пугался, думалъ, что ошибался, онъ не зналъ ни степени опасности враговъ, ни степени силы препятствій; его первыя попытки обыкновенно охлаждались; неудачи вызывали въ Александрѣ досаду, но досаду не на себя, а на

жизнь и на людей. Нерѣшительность, происходившая отъ испуга передъ препятствіями, сопровождалась уныніемъ, наклонностью опускать руки, легкой утомляемостью, еще прежде труда, онъ уже пугался затрудненій, смотрѣлъ уже на конецъ, а если конецъ не былъ близокъ, готовъ былъ чувствовать себя утомленнымъ. Это обычное свойство незнакомыхъ съ жизнью людей.

Изобиліе чувства и воображеніе при недостаточномъ развитіи воли — все это соединилось въ настроеніе, въ какое попалъ Александръ съ 1815 года, и которое около того же времени получило названіе разочарованія; проще говоря, это нравственное уныніе. Благодаря тому Александръ охладѣлъ къ задачамъ внутренней политики; русская жизнь, которой онъ не зналъ стала казаться ему неподготовленной; съ 1815 г. стала даже обнаруживаться чрезвычайно раздражительное, даже скептическое отношеніе ко всѣму русскому. Какъ скоро онъ сталъ въ такое отношеніе ко всѣму родному, его идеи должны были переселиться въ Польшу и даже дальше заграницу. Во вторую половину царствованія Александръ жилъ умомъ и сердцемъ по ту сторону Вислы. Но какъ скоро эти идеалы переселились на другую почву, можетъ быть ему болѣе родственную по происхожденію, они должны были измѣниться. Первая молодость прошла, силы были утомлены, юношескій порывъ охлажденъ, фран-

цузское свободомысліе стихло, смѣнившись религіознымъ настроеніемъ, но особаго также романическаго свойства, безъ той суровой догматики и дисциплины, какую даетъ церковь. Такимъ образомъ, прежняя русско-политическая идиллія превратилась въ мирно-религіозную; эта то идиллія и выразилась на фактѣ священнаго союза, въ попыткѣ построить въ борьбѣ европейскихъ силъ международную политику на заповѣди Евангелія, на правилахъ морали, на тѣхъ правилахъ, одно изъ которыхъ гласитъ: „если кто ударитъ тебя по щекѣ, подставь ему другую". Легко понять, что было бы, если бы это правило было проведено въ жизнь государства.

Таковъ былъ ходъ идей и чувствъ въ Александрѣ; эти идеи и чувства сказали рѣшительное дѣйствіе на его политику. Александръ былъ прекрасный цвѣтокъ, но тепличный, не успѣвшій акклиматизироваться, онъ роскошно цвѣлъ при хорошей погодѣ, наполняя окружающую среду благоуханіемъ, но когда подула буря, настало столь обычное русское ненастье; этотъ цвѣтокъ завялъ и опустился. Эта исторія внутренней, нравственной жизни повторилась и въ политической дѣятельности Александра, къ каковой мы теперь переходимъ.

Безумнымъ восторгомъ было втрѣчено вступленіе на престолъ Александра со стороны петербургскаго общества, которое объясняется нездоровымъ состоя-

ніемъ его въ предшествовавшее царствованіе. Восторгъ этотъ по донесеніямъ тогдашнихъ иностранныхъ пословъ въ Петербургѣ выражался отчасти въ очень комичныхъ формахъ. На улицахъ столицы появлялись запрещенные костюми, высокіе сапоги съ отворотами, упряжь, экипажи и т. д. Зубовъ на другой вечеръ по смерти императора Павла устроилъ въ своемъ домѣ попойку, на которую явился во всемъ запрещенномъ, во фракѣ, въ жилетѣ изъ трехцвѣтной матеріи и т. п. и началъ метать банкъ, недавно запрещенный. Понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести новый императоръ на столь взволнованное общество; это было нѣчто еще не виданное въ Россіи. Молодой государь, которому только что пошелъ 24-ый годъ, являлся на улицахъ столицы безъ свиты, не носилъ никакихъ украшеній, даже часовъ, при встрѣчѣ съ подданными довольствовался только поклонами, жилъ очень скромно, впередъ назначая себѣ извѣстную сумму денегъ, и если расходовалъ ее, жилъ въ долгъ. Съ первыхъ минутъ царствованія онъ спѣшилъ рѣзко заявить свою программу, направленіе дѣятельности; на это направленіе указывалъ уже манифестъ 12 го марта о вступленіи на престолъ. Въ манифестѣ было заявлено, что новый императоръ будетъ управлять „Богомъ порученнымъ престоломъ и народомъ по законамъ и по сердцу своей великой бабки“; а имя Екатерины еще оставалось символомъ либеральныхъ

и гуманныхъ идей. Это направленіе заявлено было цѣлымъ потокомъ новыхъ указовъ, полившимся съ первыхъ дней новаго царствованія. Всѣ эти указы были направлены въ одну сторону, всѣ они торопливо заметали слѣды, оставленные прошедшимъ царствованіемъ, каждый изъ нихъ отмѣняетъ какое нибудь стѣсненіе, заглаживаетъ память о какомъ нибудь насиліи. Трудно даже перечислить рядъ этихъ указовъ изданныхъ въ первые 3—4 мѣсяца царствованія; приведемъ главные изъ нихъ, чтобы показать характеръ новаго правительства. Возстановлена была жалованная грамота городамъ и дворянамъ; возвращены права военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, лишившимся ихъ по приговору военнаго суда или по указу въ минувшее царствованіе; такихъ чиновниковъ, оставленныхъ съ лишеніемъ правъ, безъ возможности воротиться на службу, было свыше десяти тысячъ; разрѣшенъ былъ свободный выѣздъ русскихъ людей въ чужіе края, какъ и въѣздъ иностранцевъ въ Россію; открыты частныя типографіи, разрѣшенъ свободный вывозъ русскихъ произведеній заграницу. Тайная Экспедиція, т. е. тайная полиція, учрежденная Екатериной была закрыта, наконецъ, строжайше запрещена пытка, которая несмотря на запрещеніе ее въ прошедшее царствованіе, еще практиковалась въ тогдашнихъ русскихъ судахъ; мелочныя стѣснѣнія, касавшіяся частныхъ отношеній домашняго быта пали сами

собой безъ особыхъ указовъ. Въ личныхъ бесѣдахъ, какъ въ письмахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были тогда напечатаны, императоръ также ясно выражалъ свою программу или цѣль, какую онъ поставилъ для своей дѣятельности, цѣль эта состояла во водвореніи строгаго закона на мѣсто царившаго прежде произвола. Эта мысль высказана была довольно рѣзко въ отвѣтѣ, какой далъ императоръ на просьбу княгини Голицыной, о чемъ то недозволенномъ закономъ. Въ просьбѣ было заявлено, что государь выше закона, императоръ отвѣтилъ, что онъ не признаетъ на землѣ никакой власти, которая не вытекаетъ изъ закона. Согласно съ заявленнымъ направленіемъ, государя окружали люди, которые могли вести дѣла въ этомъ направленіи; то были все представители образованнаго дворянства, стоявшіе на высотѣ идей своего времени. Эти люди, давно уже знакомые Александру, разбросанные по разнымъ мѣстамъ въ царствованіе Павла, теперь призваны помогать новому государю; это были Новосильцевъ, графъ Кочубей, графъ Строгановъ и полякъ князь Адамъ Чарторійскій. Это были сыновья образованныхъ вельможъ, блиставшихъ при дворѣ Екатерины: Кочубей былъ племянникъ Безбородко, Строгановъ сынъ того Строганова, который былъ вліятельнымъ лицомъ при Екатеринѣ, Новосильцевъ его близкій родственникъ. Все это былъ народъ, воспитанный въ томъ же самомъ духѣ, въ какомъ воспи-

танъ былъ самъ государь; учителемъ Строганова, напр. былъ французъ Роскъ, республиканецъ, дѣйствовавшій при конвентѣ и создавшій извѣстный республиканскій календарь. У этихъ людей былъ одинъ политическій идеалъ — это государственное устройство Англіи, съ которымъ успѣли близко познакомиться Кочубей и Новосильцевъ, живя въ той странѣ. Они и составили тѣсный кружокъ, съ которымъ новый императоръ началъ тяжелую преобразовательную работу. Не занимая сначала никакого оффиціальнаго положенія, эти люди собирались по вечерамъ въ кабинетѣ Александра и здѣсь обсуждали преобразовательныя мѣры; учрежденія и законы, которыми ознаменовались первые годы царствованія, всѣ были выработаны въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, въ этомъ неоффиціалвномъ комитетѣ, надъ которымъ очень много смѣялись въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ. Самъ государь въ шутку давалъ ему республиканское названіе, звалъ его „Комитетомъ Общественнаго Блага“. Въ этомъ неоффиціальномъ комитетѣ съ поспѣшностью, понятной при тогдашнемъ настроеніи Александра и были затронуты одновременно самые разнообразные политическіе вопросы: о реформахъ управленія, о перестройкѣ соціальныхъ отношеній, о распространеніи просвѣщенія, о составленіи новаго кодекса и т. д. Прежде всего занялись устройствомъ управленія, именно центральнаго. Какъ мы знаемъ, центральное управленіе оста-

лось нетронутымъ вопросомъ въ царствованіе Екатерины; это царствованіе еще болѣе его разстроило; въ центрѣ дѣла вели коллегіи подъ руководствомъ Сената — законодательнаго, судебнаго и наблюдающаго учрежденія; при Сенатѣ дѣйствовалъ со значеніемъ блюстителя закона и представителя дѣйствующей власти генералъ-прокуроръ. Сенатъ и коллегіи постепенно теряли свое первоначальное значеніе въ продолженіе XVIII в. благодаря господству лицъ надъ учрежденіями и законами. Генералъ-прокуроръ велъ всѣ дѣла внутренней политики; за Сенатомъ и коллегіями остались текущія дѣла. Всѣ важные вопросы законодательнаго свойства разсматривались въ тѣсномъ кружкѣ, который составился изъ лицъ, призванныхъ къ тому императрицей. Благодаря этому господству лицъ, Сенатъ и коллегіи превратились въ послушныя орудія личной воли. Надо было создать стройный механизмъ высшаго центральнаго управленія, основанный на точныхъ и твердыхъ законахъ. Такова была первая задача, надъ которой работалъ неоффиціальный комитетъ. Слѣдствіемъ этихъ первыхъ работъ была первая попытка устройства центральнаго управленія; она выразилась прежде всего въ новомъ законодательномъ учрежденіи, какимъ сталъ непремѣнный государственный совѣтъ. Этотъ совѣтъ, составившійся изъ 12 членовъ получилъ названіе высшаго законодательнаго мѣста; каждый новый законъ долженъ былъ здѣсь обсуждаться.

Учрежденіе законодательнаго совѣта должно было измѣнить прежнее значеніе Сената; теперь Сенатъ былъ преобразованъ, онъ сталъ высшей судебной инстанціей и учрежденіемъ, руководящимъ всѣмъ управленіемъ; Сенату принадлежалъ контроль надъ всѣми подчиненными мѣстами и наблюденіе за государственными доходами и расходами. Отдѣльныя отрасли администраціи распредѣлены были теперь между министерствами, которыя замѣнили старыя коллегіи; эти министерства указомъ 1802 г. учреждено было 8: между ними мы видимъ новое вѣдомство, которое не существовало въ русской центральной администраціи XVIII в. — министерство народнаго просвѣщенія.

При введеніи всѣхъ этихъ реформъ естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ, составлявшій тогда больное мѣсто въ нашемъ общественномъ порядкѣ: мы говоримъ о крѣпостномъ правѣ. Императоръ вступилъ на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ такъ или иначе развязать это дѣло; на первое время онъ ограничился мыслью о необходимости опредѣленія закономъ повинностей крестьянъ въ пользу землевладѣльца. Лагарпъ, какъ и практическіе тогдашніе дѣятели администраціи, пугались радикальнаго рѣшенія крѣпостнаго вопроса; самъ Новосильцевъ, старшій изъ названныхъ сотрудниковъ Александра, былъ того мнѣнія, что къ этому дѣлу необходимо подойти исподволь, и вести его съ большой постепенностью, съ большой осторож-

ностью. Но другіе сотрудники не раздѣляли такой робости; они думали, что къ этому вопросу надо приступать прямо и рѣшительно. Кочубей, напр., на засѣданіи оффиціальнаго комитета, высказалъ мнѣніе, что постепенное и медленное веденіе дѣла только распространитъ агитацію въ помѣщичьей средѣ, что всего лучше разомъ развязать узелъ. Чарторійскій и Строгановъ были того же мнѣнія. Чарторійскій напр., говорилъ, что крѣпостное право такъ ужасно само по себѣ, что ни передъ чѣмъ не слѣдуетъ остановиться, чтобы уничтожить его и эти толки выразились въ цѣломъ рядѣ законовъ, произведшихъ сильное впечатлѣніе на дворянское общество. Самый интересный изъ законовъ о крестьянахъ несомнѣнно изданный 26-го февраля 1803 г., такъ наз. законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Законъ этотъ предоставлялъ землевладѣльцамъ право отпускать на волю своихъ крестьянъ цѣлыми обществами или отдѣльными семействами съ землей, на условіяхъ, на которыхъ согласятся обѣ стороны, т. е. по добровольному соглашенію; вышедшіе на волю такимъ образомъ крестьяне не причислялись къ государственнымъ крестьянамъ, но составляли особый классъ вольныхъ хлѣбопашцевъ. Законъ 26-го февраля былъ первымъ рѣшительнымъ приступомъ къ разрѣшенію крѣпостного вопроса; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ дворянскому обществу, что разрѣшеніе это не далеко; понятно, какъ должно было вол-

новаться это общество, такъ неожиданно почуявъ приближеніе развязки, которой оно боялось уже въ XVIII в.

Таковы были преобразовательныя работы первыхъ лѣтъ царствованія Александра; онѣ страдали многими недостатками, прежде всего онѣ были торопливы; новыя учрежденія, новые законы недостаточно обдумывались, плохо разрабатывались и очень мало сообразовались между собой. Это понятно, если обратить вниманіе на характеръ вождей этого новаго движенія, на государя и его сотрудниковъ. Все это были люди вооруженные обильнымъ запасомъ либеральныхъ идей, но обладавшіе слабымъ знакомствомъ съ этой дѣйствительностью, въ которую они призваны были внести новыя начала.

Преобразовательныя работы были прерваны на полудорогѣ внѣшними событіями: какъ извѣстно, въ 1805/6 г. Александръ долженъ былъ вступить въ коалицію противъ Наполеона. Въ обѣихъ войнахъ, веденныхъ въ союзѣ съ Австріей и Пруссіей, русская армія потерпѣла пораженія. Это были первые практическіе опыты для Александра; они впервые ознакомили его съ дѣйствительностью, какъ она была; въ походахъ Александръ присмотрѣлся къ людямъ, съ которыми онъ долженъ былъ дѣйствовать и не встрѣтивъ въ нихъ того, что онъ въ нихъ предполагалъ, онъ быстро въ нихъ разочаровался. По окончаніи

войны сотрудники стали удаляться отъ него; Новосильцевъ, Строгановъ уѣхали заграницу. Кочубей вышелъ изъ министерства; Чарторійскій покинулъ столицу и перенесъ свою дѣятельность въ Западный Край, ставъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Съ удаленіемъ всѣхъ этихъ лицъ кончилось господство англомановъ. При Александрѣ является новое лицо, которое сообщаетъ нѣсколько новый характеръ возобновившейся преобразовательной дѣятельности императора — Сперанскій.

Ворвавшись со своими крѣпкими нервами въ вялое и разслабленное петербургское аристократическое общество, износившагося отъ дѣловаго бездѣлія, Сперанскій встревожилъ и напугалъ это общество, какъ струя свѣжаго воздуха, прокравшаяся въ закупоренную комнату больнаго человѣка, который привыкъ дышать атмосферой, наполненной благовоніемъ и міазмами. Понятно, какъ такой умъ долженъ былъ отнестись къ русской государственной дѣятельности. Вотъ почему существующій русскій порядокъ представлялся ему какъ совершенная политическая безсмыслица, которую не стоило поправлять, а нужно было просто устранить, замѣнивъ новымъ порядкомъ, построеннномъ по правиламъ логики. Такія начала внесъ Сперанскій въ ту работу, которую онъ велъ съ Александромъ по возвращеніи изъ заграницы. Этой работой былъ грандіозный проектъ преобразованій,

который обновлялъ бы весь политическій и соціальный строй Россіи. Проектъ этотъ былъ готовъ къ концу 1809 г., его не знали современники, не знаетъ его и наше поколѣніе; до насъ дошли отъ него лишь отрывки, сдѣланные современниками, обнародованные уже по окончаніи царствованія Александра. Проектъ этотъ предназначенъ былъ къ подробной обработкѣ; онъ излагалъ лишь общія начала, на которыхъ долженъ быть построенъ новый государственный порядокъ. Несмотря на то, что никогда не былъ осуществленъ, все же онъ представляетъ важное явленіе въ нашей политической исторіи.

Планъ, составленный Сперанскимъ государственнаго устройства не былъ его исключительнымъ дѣломъ. Александръ, возвратясь изъ заграницы передалъ своему статсъ-секретарю нѣкоторые матеріалы, оставшіеся отъ прежняго неоффиціальнаго комитета, сообщилъ ему также нѣкоторыя свои соображенія, такъ что самъ Сперанскій считалъ свой планъ только работой, которая привела въ порядокъ идеи императора. Нѣтъ сомнѣнія, что ему принадлежала система этого плана и общія основанія, на которыхъ онъ долженъ былъ быть построенъ. Это даетъ возможность предположить впечатлѣніе, какое произвела на императора положенная на его столъ тетрадь, которая содержала въ себѣ этотъ планъ. Работа эта была совершена въ удивительно короткое время. Начатая въ концѣ

1808 года, она была уже готова къ Октябрю 1809 и въ два слѣдующіе мѣсяца была уже просмотрѣна и исправлена государемъ; послѣдній, кажется былъ очень доволенъ этимъ трудомъ; это понятно: онъ увидѣлъ въ тетрадкѣ свои собственныя идеи, но такъ обработанныя, такъ убранныя, какъ онъ не предполагалъ возможнымъ сдѣлать самъ; онъ взглянулъ на планъ, какъ чадолюбивая мать смотритъ на свою дочь, убранную ловкимъ парикмахеромъ.

Прежде всего мы знаемъ только извлеченія изъ этого проекта, сдѣланныя, правда, очень умнымъ современникомъ Сперанскаго, хотя его и недолюбливавшимъ; то былъ извѣстный писатель, публицистъ своего времени Николай Тургеневъ, участвовавшій въ тайномъ обществѣ, но вышедшій изъ него раньше катастрофы 14-го декабря. Уѣхавъ заграницу, онъ не возвращался оттуда. Онъ читалъ планъ Сперанскаго и сдѣлалъ изъ него нѣсколько извлеченій, частью буквальныхъ, частью переложеній. Излагаемъ этотъ планъ только потому, что онъ никогда не осуществленный, представляетъ поучительный историческій документъ; онъ даетъ возможность наблюдать одно любопытное положеніе имѣвшее мѣсто въ нашей исторіи. Въ началѣ XIX вѣка русскій императоръ, пришедши въ отчаяніе отъ положеніе отечества, рѣшилъ водворить въ немъ порядокъ, основанный на законѣ. Любопытно, какъ онъ хотѣлъ это сдѣлать. Сперанскій обозначаетъ сущность своего плана:

„Разумъ, смыслъ сего плана“, писалъ онъ потомъ, состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить правительственную власть на твердыхъ основаніяхъ и тѣмъ сообщить ея дѣйствіямъ болѣе достойной и истинной силы.“ Онъ объясняетъ необходимость общаго преобразованія государственнаго устройства; необходимость создана историческими преданіями, практическими условіями; Сперанскій показываетъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ, что уже съ царствованія Алексѣя Михайловича въ Россіи жили и развивались идеи государственнаго порядка, основаннаго на законѣ, проще говоря, конституціонныя идеи. Несмотря на уклоненія, Россія по его мнѣнію, всетаки шла къ свободѣ; раньше царствованія Алексѣя Михайловича, Сперанскій въ нашемъ темномъ прошедшемъ не ощущалъ подобныхъ идей; но законный порядокъ необходимъ и по современному положенію Россіи; потому что иначе жить нельзя; въ Россіи всѣ существующіе законы гражданскіе, уголовные — ничего не значущіе признаки, потому что нѣтъ законовъ политическихъ. Къ чему служитъ напр., законъ, обезпечивающій право собственности, когда самая собственность можетъ быть уничтожена произволомъ лица; или какъ можетъ распространиться просвѣщеніе, когда оно въ Россіи только вредно; зачѣмъ просвѣщать раба, когда просвѣщеніе еще горче дастъ ему почувствовать всю тяжесть его положенія; затѣмъ всѣ умы находятся въ тягостномъ неспокойствѣ,

отчего? Оттого, что сталъ невыносимъ существующій порядокъ, слѣдовательно, существующій порядокъ уже не соотвѣтствуетъ общественному мнѣнію. Сперанскій излагаетъ даже теоретическія основанія своего проекта, и выслушавъ ихъ, можно сейчасъ догадаться, изъ какого источника они заимствованы. Вотъ общія основы правильнаго законодательнаго государственнаго порядка: всякое правительство законно только тогда, когда оно основано на волѣ народа; каждое правительство дѣйствуетъ на извѣстныхъ условіяхъ и перестаетъ быть законнымъ, если ихъ не исполняетъ; условія эти выражены въ основныхъ законахъ страны, отсюда слѣдуетъ: такъ какъ источникъ всякой власти есть воля государства, страны, то основные законы могутъ быть только дѣломъ народа; цѣль основныхъ законовъ ставить въ извѣстные предѣлы дѣятельность верховной власти. Развивая отсюда подробности государственнаго порядка, Сперанскій говоритъ, что весь народъ не можетъ блюсти за правильностью дѣйствія основныхъ законовъ; долженъ быть общій органъ наблюденія; такимъ органомъ можетъ быть только высшій классъ. Этотъ высшій классъ долженъ быть настолько образованъ, чтобы понимать сущность основныхъ законовъ и условія правильнаго дѣйствія власти; настолько независимъ, чтобы не бояться власти и настолько связанъ съ интересами народа, чтобы не покушаться на его свободу. Очевидно, такимъ наблюдающимъ органомъ должна быть

политическая аристократія, пользующаяся своими полномочіями лишь по довѣренности народа. Сперанскій формулируетъ свои мысли извѣстной фразой Монтескье: нѣтъ знати, нѣтъ и монарха, т. е. монархъ безъ знати быть не можетъ. Какъ должна быть эта аристократія, чтобы дѣйствовать правильно? Стоя между властью и народомъ, не потакая первой и не угнетая вторую, она должна быть составлена изъ старшихъ сыновей извѣстныхъ фамилій, значеніе которыхъ держится на майоратѣ; кромѣ старшаго, всѣ остальные сыновья принадлежатъ къ народу. Итакъ вотъ правильно устроенное общество, какъ оно представлялось Сперанскому: свободный народъ, впереди его дѣйствующая по его довѣренности знать и во главѣ общества связанная основными законами верховная власть. Чтобы возможенъ былъ такой строй общества, должны быть уничтожены существующія сословія; что такое эти сословія? Классы общества, раздѣленные интересами, слѣдовательно, одинъ другому враждебные; на враждѣ классовъ и выростаетъ произволъ; слѣдовательно, чтобы не было произвола должно устранить вражду классовъ, т. е. объединить общество; первое условіе правильнаго государственнаго порядка и есть общественное объединеніе; безъ этого условія не возможенъ ни одинъ элементъ правильнаго общественнаго порядка; ни свободный народъ, ни пользующаяся его довѣріемъ аристократія, ни соблюдающая основные законы верховная власть. Съ высоты такого

идеала Сперанскій спускался въ русскую дѣйствительность и съ трудомъ сдерживаетъ въ себѣ презрительное чувство; только чуть слышна въ немъ звучащая патріотическая нотка, которая смягчаетъ горечь изложенія этой части проекта. Въ Россіи нѣтъ ничего; есть законы, но они ничѣмъ не обезпечены, есть сословныя грамоты, но онѣ ничего не значатъ, ибо въ Россіи нѣтъ сословій, а есть два класса рабовъ, одни — рабы верховной власти, а другіе рабы этихъ рабовъ, т. е. дворяне и крѣпостные. Эти два класса непримиримо разъединены между собой и на непримиримости ихъ интересовъ держится абсолютная власть. Интересы дворянства — держать въ повиновеніи крестьянъ, интересы крестьянъ — чтобы дворяне были рабами короны; такимъ оразомъ обоюдный интересъ — общее рабство. Этотъ обоюдный интересъ производитъ общую летаргію, убиваетъ народную энергію; при такомъ порядкѣ народъ въ 1000 лѣтъ не сдѣлаетъ шагу впередъ. Итакъ въ Россіи нѣтъ ни закона, ни народа, нѣтъ и монархіи, ибо абсолютная власть не монархія, а произволъ. „Всего меньше,“ добавляетъ Сперанскій съ удареніемъ, „въ Россіи истинной монархіи“; подъ монархіей тогда разумѣлось ограниченное единодержавіе. Итакъ, съ чего надо начинать преобразованіе государственнаго порядка въ Россіи? Съ кореннаго источника, изъ котораго вытекаютъ всѣ неправильности существующаго порядка, т. е. съ устраненія общественнаго разъединенія, вражды общественныхъ

интересовъ; эта вражда общественныхъ интересовъ имѣетъ свой корень въ крѣпостномъ правѣ. Итакъ, всякая реформа въ Россіи, расчитанная на успѣхъ и искренная должна начаться съ преобразованія соціальныхъ отношеній. Трудно удержаться при этомъ, чтобы не замѣтить, что первый разъ такъ просто и рѣзко былъ поставленъ этотъ вопросъ въ исторіи политическаго сознанія Россіи. Прежде реформъ конституціи начинали сверху, съ преобразованія того, другого третьяго учрежденія и рѣдко спускались въ полетѣ своихъ преобразовательныхъ мыслей ниже столицы; Сперанскій первый взглянулъ на дѣло снизу, т. е. съ корней. Итакъ первая задача преобразователя — устроить правильныя, па законѣ основанныя отношенія сословій. Довольно трудно сказатъ, какъ у Сперанскаго построенъ былъ планъ освобожденія крестьянъ. Въ томъ, что мы знаемъ, планъ этотъ является очень неудовлетворительнымъ. Освобожденіе крестьянъ должно было совершиться въ два пріема: прежде всего должны быть точно опредѣлены повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ; для регулированія отношеній обоихъ классовъ должны быть учреждены особые суды, которые бы разбирали столкновенія крестьянъ съ землевладѣльцами. Потомъ постепенно долженъ быть возстановленъ свободный переходъ крестьянъ, существовавшій въ XVI вѣкѣ. Подробности того и другого пріема не развиты въ доставшимся намъ извлеченіи. Если планъ

переданъ полно и вѣрно, то Сперанскій думалъ о безземельномъ освобожденіи крестьянъ, но это освобожденіе представлялось ему возможнымъ только въ далекомъ будущемъ; проектируемый имъ государственный порядокъ долженъ быть водворенъ раньше минуты, когда станетъ возможенъ этотъ фактъ. Какъ же спрашивается, конструируетъ Сперанскій общество при крѣпостномъ правѣ? Онъ дѣлитъ общество на три класса, которые довольно трудно согласить съ его общимъ, теоретическимъ соціальнымъ строеніемъ. Общество русское должно состоять изъ трехъ сословій: изъ дворянъ, изъ средняго сословія и изъ рабочаго класса. Дворянство пользуется своими землевладѣльческими правами, хотя на основаніи закона, т. е. продолжаетъ править прикрѣпленными къ землѣ крестьянами, но оно обязано службой; Сперанскій возстановляетъ обязательную службу для дворянства; каждый дворянинъ обязанъ служить въ арміи, или на гражданскомъ поприщѣ не менѣе десяти лѣтъ. Среднее сословіе состоитъ изъ свободныхъ классовъ, непринадлежащихъ къ дворянству; это купцы, мѣщане и государственные крестьяне; это среднее сословіе можетъ даже проникать въ составъ дворянства, пріобрѣтая напр. земельную собственность. Рабочій классъ состоитъ изъ несвободныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, слугъ и мелкихъ ремесленниковъ, которые не могутъ пользоваться политическими правами наравнѣ съ двумя высшими классами. Куда же дѣвалась на-

блюдающая аристократія, и думалъ ли Сперанскій создать ее изъ русскихъ общественныхъ элементовъ? У него есть проектъ созданія такой аристократіи и очень характерный; онъ предлагалъ взять табель о рангахъ, да списокъ всѣхъ сановниковъ 14 классовъ, затѣмъ провести пальцемъ подъ 4-мъ классомъ и то, что окажется сверху зачислить въ аристократію: онъ съ горемъ замѣчаетъ, что попадетъ много негодныхъ людей, которые ничего не понимаютъ, ничѣмъ не докажутъ государству своего права на это положеніе, но что же дѣлать? Наличное поколѣніе авось когда нибудь вымретъ и его смѣнитъ болѣе подготовленное къ дѣлу потомство. Много скрытой грусти звучитъ въ этихъ строкахъ Сперанскаго. Впрочемъ эта аристократія первыхъ четырехъ классовъ осталась какъ то одинокой въ проектѣ Сперанскаго, ни къ чему не пріуроченной; можетъ быть впрочемъ это объясняется не полнотой извлеченія, а неполнотой постройки. Такимъ расчлененнымъ обществомъ должна была управлять цѣлая сѣть новыхъ учрежденій; всѣ эти учрежденія земскаго характера, избирательныя; они обхватываютъ общество сверху до низу, отъ государева кабинета до волостнаго правленія. Россія раздѣлена на губерніи, уѣзды и волости; въ каждой волости земельные собственники, къ которымъ причислялись и казенные крестьяне, собираются разъ въ три года и составляютъ волостную думу; волостная дума избираетъ изъ своей среды членовъ волостнаго правле-

нія, провѣряетъ волостные доходы и расходы и избираетъ депутатовъ въ уѣздную думу. Расходясь, дума оставляетъ послѣ себя постоянно дѣйствующее волостное правленіе съ исполнительной властью. Итакъ волостная дума — это волостной сходъ, волостное правленіе — исполнительная управа. Разъ въ три года, стало послѣ того, какъ разойдутся волостныя думы, собирается уѣздное земское собраніе; оно состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ волостными думами; оно избираетъ членовъ уѣзднаго правленія или совѣта членовъ уѣзднаго суда и депутатовъ въ губернскую думу. Также устроены губернская дума и губернское собраніе, которое, контролируя доходы и расходы губерніи, выбираетъ членовъ губернскаго совѣта, губернскаго суда и наконецъ депутатовъ въ государственную думу. Государственная дума собирается сама собой въ извѣстный срокъ, безъ особаго призыва; она состоитъ изъ депутатовъ губернской думы, число которыхъ опредѣляется закономъ. Государственная дума — учрежденіе; право предложенія закона въ этой думѣ принадлежитъ министерству, т. е. комитету министровъ; каждый законъ утверждается государемъ, впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ государственная дума пользуется правомъ иниціативы: такъ она можетъ привлечь къ отвѣтственности министра, нарушающаго законъ. Дума распускается, засѣданія отсрочиваются по рѣшенію государственнаго совѣта. Государственный Совѣтъ — высшее учрежденіе, хра-

нящее законы; кажется туда преполагалъ Сперанскій помѣстить своихъ аристократическихъ маіоровъ, т. е. старшихъ сыновей; въ такомъ случаѣ государственный совѣтъ — палата лордовъ. Во главѣ судебнаго строя, который начинается волостными судами съ характеромъ мировыхъ учрежденій и развивается рядъ инстанцій, какими были суды уѣздные и губернскіе; во главѣ этого строя стоитъ Сенатъ, блюстительне закона, а законнаго порядка въ дѣлопроизводствѣ, т. е. судопроизводства; при немъ въ качествѣ высшаго прокурора стоитъ министръ юстиціи. Вотъ весь планъ Сперанскаго, поскольку мы его знаемъ. Этотъ планъ производитъ различное впечатлѣніе на разныя мгновенія его изученія; при первомъ чтеніи онъ поражаетъ необычайной смѣлостью и колоссальностью; мысли, встрѣчаемыя въ немъ даже въ томъ разорванномъ видѣ, въ какомъ мы его читаемъ, врѣзываются въ память; мы не ошибемся, если скажемъ, что за весь XVIII и XIX вѣкъ всѣми русскими публицистами не было сказано и сотой доли того умнаго, что сказалъ во всемъ этомъ проектѣ о положеніи Россіи и исторіи переустройства ея Сперанскій. Но если не было сказано столько умнаго за то не было сказано и столько печальнаго. Проектъ Сперанскаго поражаетъ своей умственностью, вотъ почему любопытно имѣть хотя смутное извѣстіе о томъ впечатлѣніи, которое произвело его чтеніе на Александра; никогда никто не говорилъ государю такъ прямо и от-

кровенно. Потомъ вчитываясь въ проектъ, мы получаемъ другое впечатлѣніе: мы узнаемъ его элементы, лучше сказать его источники. То были: 1) политическія идеи, 2) консульская французская конституція или конституція XVIII вѣка, изъ которой взяты многія черты плана, напр. вся эта іерарія думъ какъ и строй высшихъ учрежденій. Наконецъ источникомъ была и русская дѣйствительность; Сперанскій сообразовалъ свои отвлеченныя построенія съ существующими отношеніями, и когда представишь себѣ все разнообразіе этихъ источниковъ, то становится жаль Сперанскаго. Таково двойственное впечатлѣніе или лучше сказать, таковы два впечатлѣнія, которыя послѣдовательно переживаешь, изучая этотъ планъ.

Планъ Сперанскаго никогда не былъ осуществленъ въ полномъ его размѣрѣ, однако онъ не прошелъ совершенно безслѣдно для самого автора его: онъ вооружилъ противъ него общество, не самъ собой, а нѣкоторыми частями его, получившими практическое п[illegible]имѣненіе; согласно съ планами въ 1809 г. изданы были два мелкіе, но надѣлавшіе большого шума закона: второго апрѣля и шестого декабря. Законъ второго апрѣля направленъ былъ противъ придворныхъ чиновъ; при дворѣ въ званіи камергеровъ, камеръ-юнкеровъ состояли люди, которые не занимали никакихъ дѣйствительныхъ должностей, между тѣмъ пользовались разными правами этой службы. Императоръ звалъ этихъ

сановниковъ дворцовыми полотерами. Законъ 1809 г., сохранивъ эти занятія, лишилъ ихъ сопряженныхъ съ ними преимуществъ, если облеченные ими люди не занимали дѣйствительной должности; придворныя званія остались теперь почетными отличіями, не дававшими никакихъ правъ и только. Понятно чувство, съ какимъ отнеслась придворная среда къ Сперанскому, который считался авторомъ закона. Законъ шестого Декабря направленъ былъ противъ самихъ чиновниковъ. Въ Россіи уже существовало нѣсколько университетовъ, но стѣны ихъ аудиторій были довольно пусты за ненадобностью, ибо движеніе при службѣ совершалось быстро и безъ университетскаго образованія. Сперанскій, справедливо находя, что университеты эти не учреждены для забавы, что спеціальное образованіе, какое должны были получать учащіеся въ университетѣ, необходимо государству, выработалъ законъ, въ силу котораго извѣстные чины, именно восьмого и пятого класса, могутъ быть получаемы только тѣми, кто имѣетъ университетскій дипломъ, или тѣмъ, кто выдержитъ установленный, соотвѣтственно университетскому, экзаменъ. Много почтенныхъ стариковъ, которые уже постучались въ двери статскаго совѣтника, остались ни при чемъ навѣки, ибо не имѣли университетскаго диплома и не могли имѣть надежды выдержать экзаменъ, тѣмъ болѣе, что программа экзамена была довольно сложная. И такъ придворная и чиновничья среда, двѣ могуще-

ственныя силы въ столицѣ, были вооружены противъ Сперанскаго и самъ государь, потерялъ къ нему довѣріе; трудно объяснить ходъ перемѣны, происшедшей въ его отношеніяхъ къ государственному секретарю; ни онъ самъ, ни Сперанскій потомъ никогда не объяснили того, что случилось между ними. Можно составить предположеніе, что Александръ, обдумавъ прочитанный имъ планъ, самъ испугался той минуты, когда онъ пытался его исполнить. Наконецъ противъ Сперанскаго возстало общественное мнѣніе, т. е. большое общество. Виной тому были его финансовыя мѣры. Сперанскому Александръ поручилъ устройство финансоваго хозяйства, и онъ долженъ былъ устроить его изъ самыхъ безнадежныхъ элементовъ. Приближалась огромная война, бюджетъ былъ поколебленъ прежними войнами. Положеніе дѣлъ въ 1811 году было таково: ассигнацій въ обращеніи было 577 милліоновъ; внѣшняго долга больше 100 милліоновъ; государственный доходъ вычисленъ былъ на 1812 г. въ размѣрѣ 197 милліоновъ; для покрытія текущихъ расходовъ не доставало 66 милліоновъ; курсъ рубля былъ 33 коп. Сперанскому поручено было возстановить равновѣсіе въ этомъ бюджетѣ; изъ чего? Онъ предложилъ, что могъ, т. е. возвышеніе прямыхъ налоговъ и косвенныхъ, подушная подать была возвышена съ рубля на два, а потомъ на три; оброкъ съ государственныхъ крестьянъ съ двухъ до трехъ; подушная подать съ мѣщанъ до пяти рублей;

сборъ съ купеческаго капитала до трехъ процентовъ. Въ виду расходовъ, какіе потребуетъ предстоящая война, эти налоги были еще временно возвышены. Все платящее и возстало на Сперанскаго. Едва ли справедливы тѣ слухи, которые говорили о томъ, будто Сперанскій находился въ сношеніяхъ съ французами, о какихъ то бумагахъ, которыя онъ пересылалъ Наполеону и т. д. Въ началѣ 12 года Сперанскій, давно не ходившій къ императору, былъ призванъ къ нему. Сдѣлавъ ему свой докладъ Сперанскій хотѣлъ уходить, императоръ удержалъ его и неожиданно сталъ упрекать его въ своеволіи, съ какимъ онъ бралъ къ себѣ нѣкоторыя государственныя бумаги, въ посягательствѣ на нѣкоторыя вѣковыя русскія учрежденія, напр. на Сенатъ, созданный Петромъ и т. п. Затѣмъ онъ отпустилъ его, замѣтивъ, что онъ передастъ его должность другимъ. Когда Сперанскій воротился домой, онъ встрѣтилъ министра юстиціи Балашева, который приготовилъ ему кибитку и Сперанскій, не простившись съ дочерю, отправленъ былъ въ Казань, потомъ былъ назначенъ въ Пермь, а далѣе губернаторомъ въ Сибирь. Насталъ новый перерывъ во внутренней преобразовательной дѣятельности Александра.

Это былъ рядъ лѣтъ, полныхъ шумныхъ успѣховъ на военномъ и дипломатическомъ поприщахъ. Россія подверглась нашествію врага; прогнавъ его и идя по его стопамъ, принявшись освобождать одно за другимъ

разныя государства Европы отъ французскаго ига, русская армія прошла почти до самого западнаго края Европы, водворила тамъ законный порядокъ, собрала развѣнченныхъ государей и усадила ихъ на покинутыхъ престолахъ, дала имъ въ руки конституціонныя хартіи и разутая, и голодная, и раздѣтая воротилась домой. Съ 1815 года, когда кончились эти шумныя событія, императоръ вернулся изъ заграницы, чтобы продолжать прерванныя внутреннія работы; но эти работы получили иное направленіе, такъ какъ государь воротился съ похода совсѣмъ иной, не похожій на того, какимъ онъ началъ свою дѣятельность.

Внѣшнія дѣла 1812—1815 г.г. оказали могущественное вліяніе на ходъ внутреннихъ дѣлъ; рѣдко даже, когда внѣшняя политика такъ измѣняла направленіе внутренней жизни въ Россіи, можетъ быть потому, что она рѣдко переживала такія событія, какія испытывала въ тѣ годы. Событія эти очень неодинаково дѣйствовали на русское общество и на русское правительство. Въ первомъ они вызывали необыкновенное политическое и нравственное возбужденіе. Высшіе руководители общества, т. е. военно-гражданскіе расположены были къ самымъ широкимъ ожиданіямъ, надѣялись теперь, что правительство не только продолжитъ, но и расширитъ свою прежнюю программу, а между тѣмъ правительство не расположено было проводить и прежней программы. На немъ отразилось то

настроеніе, съ которымъ вышелъ изъ пережитыхъ опасностей его глава. Императоръ Александръ очень, очень утомился въ эти годы; быстрая смѣна побѣдъ и пораженій нарушило въ немъ прежнее нравственное равновѣсіе. Не даромъ онъ въ 1814 г., возвращаясь изъ заграницы, привезъ домой сѣдые волосы. Пережитыя событія поселили въ правительствѣ чувство утомленія, охлажденія къ энергичной внутренней дѣятельности, даже нѣкоторое разочарованіе въ прежнихъ политическихъ идеалахъ; къ тому же ходъ внѣшнихъ событій поставилъ его въ упорную борьбу съ послѣдствіями французской революціи, волей неволей сдѣлалъ его представителемъ консерватизма въ международныхъ отношеніяхъ, возстановителемъ и охранятелемъ законнаго порядка, основаннаго на преданіи старины. Это охранительное направленіе изъ внѣшней политики необходимо переносилось и на внутреннюю; нельзя же было на самомъ дѣлѣ одной рукой заграницей поддерживать консервативныя начала, а дома продолжать преобразовательную, революціонную, какъ говорили тогда, дѣятельность. Какъ бы отвѣчая на измѣнившееся положеніе дѣлъ, правительство слабо продолжало дѣятельность прежняго направленія; да и эта ослабленная дѣятельность сосредоточивалась не на коренныхъ областяхъ Россіи, а на окраинахъ, находящихся ближе къ Западной Европѣ; очевидно, путь тяготѣнія внутренней политики также перемѣстился ближе къ западно-

русской границѣ. Слабый отблескъ прежняго направленія сказывался въ мѣрахъ правительства, касавшихся царства Польскаго и Остзейскихъ провинцій.

Основатель политическаго Союза, извѣстнаго подъ именемъ Священнаго, т. е. религіозно-политическаго консерватизма въ международной политикѣ, съ каждымъ годомъ все болѣе убѣждался, какъ шатки основанія, на которыхъ тогда держался европейскій политическій порядокъ: то тамъ, то здѣсь прорывались спышки; народы не хотѣли мирно сидѣть на мѣстахъ, на которыхъ ихъ усадилъ вѣнскій конгресъ. Въ 1818 году германскіе студенты производятъ безпорядки и празднуютъ на Вартбургѣ 300 лѣтній юбилей реформаціи. Они надѣлали много юношескихъ выходокъ, на что взглянули руководители германской политики чрезвычайно серіозно, т. е. говоря проще, трусливо. Въ 20 годахъ произошла революція въ Испаніи, которая отозвалась движеніями на Аппенинскомъ полуостровѣ, въ Неаполѣ, Клермонтѣ. Въ 1827 г. возстали греки противъ турокъ. Зданіе Вѣнскаго конгресса разваливалось съ разныхъ сторонъ; по мѣрѣ того, какъ усиливались на Западѣ волненія, возникали опасенія подобныхъ явленій въ Россіи. Съ этого времени получаетъ серіозное значеніе политика народнаго просвѣщенія; полиція умовъ становится серіознымъ вопросомъ, она выразилась въ цѣломъ рядѣ тревожныхъ мѣръ, принятыхъ для того, чтобы дать надлежащее направленіе литера-

турѣ и народному образованію, т. е. школамъ создана была новая организація надзора за печатью, не столько угнетающая тогдашнюю россійскую словесность, сколько обогатившая нашъ и безъ того богатый запасъ россійскихъ политическихъ анекдотовъ.

Когда возникъ вопросъ о пріисканіи старшему сыну Павла жены, Екатерина призвала въ Петербургъ двухъ принцессъ Баденъ-Дурлахъ, тетка которыхъ была первой женой Павла. Въ концѣ 1792 года принцессы эти прибыли къ императорскому дворцу и остановились во дворцѣ покойнаго Потемкина, гдѣ онѣ были приняты Екатериной сообща съ ея тогдашней „пробирдамой". Старшая изъ нихъ понравилась Александру, и 9-го Октября 1793 года была отпразднована свадьба съ необычной даже для того времени помпой.

На молодого великаго князя и его супругу возлагались самыя пышныя надежды. Ему тогда исполнилось 16, ей 15 лѣтъ. Великая княгиня Елизавета была „прекрасна, благороднаго и тонкаго роста, элегантныхъ и чистыхъ нравовъ, обладала умомъ и талантомъ, а также изысканнымъ вкусомъ; характеръ у ней былъ добродушный, скромный и полный преданности". Таковы были отзывы о молодой супругѣ будущаго императора. Что же касается великаго князя Александра, то графъ Делагардъ въ своихъ воспоминаніяхъ о вѣн-

скомъ конгрессѣ отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: „Въ немъ почти осуществляется идеалъ, восхищавшій насъ въ Телемахѣ, но хотя мать его и обладаетъ всѣми качествами Пенелопы, отецъ его далеко не былъ Одиссемъ, и не Менторъ руководилъ его воспитаніемъ. Александръ имѣетъ благородныя убѣжденія, правильное сужденіе о вещахъ, острый умъ. Сердце его отъ природы открытое и безъ фальши.“ Въ 1791 году Потемкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Екатеринѣ пишетъ объ Александрѣ: „Онъ ангелъ, онъ принцъ моего сердца, рожденный и воспитанный для блага государства.

Великій князь Александръ Павловичъ былъ любимцемъ Екатерины II и императрица мечтала даже о томъ, чтобы престолъ перешелъ послѣ ея смерти непосредственно къ нему, минуя Павла. Тѣмъ не менѣе Александръ обрадовался смерти бабки ничуть не меньше Павла. Онъ былъ доволенъ, что „ему впредь не придется слушаться старой бабы.“ Судьба его въ качествѣ наслѣдника престола была лучше, нежели положеніе Павла при жизни старой императрицы. Отъ отца своего Александръ получалъ пенсію въ размѣрѣ 500 000 рублей въ годъ; кромѣ того великой княгинѣ было ассигновано ежегодно отдѣльно 150 000 рублей. Павелъ назначилъ своего сына шефомъ втораго гвардейскаго полка и генеральнымъ инспекторомъ арміи, начальникомъ „канцеляріи войны и флота“, главнымъ

директоромъ полиціи имперіи и президентомъ сената... Но вся эта роскошь длилась не долго. Подозрительность Павла преслѣдовала сына на каждомъ шагу. Любимцы императора обращались къ наслѣдникомъ свысока. Александръ не смѣлъ замолвить ни слова для лицъ которыхъ онъ желалъ протежировать; подобное заступничество послужило бы вѣрной гибелью для нихъ.

Александръ первый, благословенный, былъ чрезвычайно слабаго характера. Онъ не обладалъ достаточной силой воли для того, чтобы отстранить отъ себя людей сомнительныхъ, которымъ со временемъ удалось получить власть надъ нимъ.

Въ концѣ концовъ имъ окончательно овладѣлъ піэтизмъ; и какъ это не странно, то была протестантская женщина, которой удалось плѣнить православнаго царя въ узахъ религіознаго мистицизма. Внезапная смерть Павла на всю жизнь испугала Александра, и воспоминаніе объ этой смерти настолько сильно и въ продолженіе всей жизни вліяла на него и мучила его, что одно время многіе были убѣждены въ томъ, что эта смерть не обошлась безъ участія Александра... Спасеніе отъ этихъ ужасныхъ воспоминаній Александръ находилъ въ мистеріяхъ религіознаго мистицизма, всѣ добрые начинанія, которыя онъ имѣлъ въ виду для блага своей родины были забыты, всѣ идеалы его полиняли и земныя желанія его исчезли...

То была мечтательница, баронесса Крюденеръ, которая послѣ бурно проведенной молодости бросилась въ объятія піэтизма; въ бурныя времена начала нашего столѣтія она пріобрѣла на своихъ современниковъ, даже на самыхъ высокопоставленныхъ такое сильное вліяніе, которое въ настоящее время кажется намъ необъяснимымъ. Императоръ Александръ совершенно отдался и подчинился этой женщины, и вліяніе ея на него было столь сильно, что всѣ свои рѣшенія, даже государственнаго характера, онъ принималъ лишь послѣ молитвъ.

И въ то время, какъ Александръ отдался піэтизму, управленіе государствомъ все цѣло было предоставлено такимъ любимцамъ его, какъ Аракчеевъ. И хуже всего было то, что этотъ самый Аракчеевъ былъ совершенно несамостоятельнымъ человѣкомъ, а куклой въ рукахъ его многочисленныхъ любовницъ, передъ которыми однако унижались самы высокопоставленныя лица имперіи.

Точно такимъ какъ его отношеніе къ государству было и отношеніе Александра къ его супругѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Въ началѣ казалось, что бракъ этотъ будетъ изъ счастливыхъ. Но непостоянство и потребность въ страстной любви потянули наконецъ Александра къ другимъ женщинамъ, такъ что въ концѣ концовъ оба супруга жили совершенно отдѣльной и даже уединенной жизнью. Любовныя похожденія Александра

были чрезвычайно многочисленны, и въ чувствахъ своихъ онъ былъ весьма непостоянenъ. Но наконецъ его плѣнила одна женщина настолько сильно, что онъ остался ей вѣренъ въ продолженіи всей жизни. То была жена друга молодости Александра, Дмитрія Нарышкина. Нѣкоторое время серіозную конкурренцію Нарышкиной дѣлала графиня Бобринская, и изъ этой связи Александра происходитъ польскій родъ Варпаховскихъ. Но въ концѣ концовъ побѣдила Нарышкина надъ всѣми остальными соперницами.

Марія Антоновна Нарышкина была отъ рожденія полькой, дочерью князя Четверинскаго, который въ 1794 г. былъ во время варшавскихъ бунтовъ повѣшенъ народомъ. Еще очень молодой дѣвицей ее выдали замужъ за любимца Александра I, за Дмитрія Нарышкина. Какъ только государь увидѣлъ ее въ первый разъ, онъ смертельно влюбился и немедленно добился успѣха у Нарышкиной. Говорятъ, что въ одинъ прекрасный день, когда императоръ былъ въ отличномъ расположеніи духа, онъ назначилъ Нарышкина оберъ-іегермейстеромъ со словами обращенными къ супругѣ обманутаго мужа: „Такъ какъ я ему поставилъ рога, то пусть же онъ теперь завѣдуетъ оленями“.

Результатомъ этой связи было трое дѣтей, изъ которыхъ царь безумно любилъ дочь Софію. Дѣти всѣ назывались Нарышкинами, несмотря на то, что мужъ Маріи Антоновны отлично зналъ, что не онъ ихъ отецъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о вѣнскомъ конгрессѣ повѣствуетъ графъ Делагардъ, что самъ Дмитрій Нарышкинъ отвѣтилъ императору Алексардру на вопросъ его: „какъ поживаетъ твоя дочь Софія?" „Но Ваше величество, вѣдь она вовсе не моя дочь, а Ваша . . ." Въ другой разъ царъ освѣдомился у своего любимца о женѣ его и его дѣтяхъ. Нарышкинъ цинично отвѣтилъ: „О какихъ дѣтяхъ Ваше императорское величество справляются? О моихъ или о Вашихъ?"

Софію Нарышкину, которую императоръ впослѣдствіе узаконилъ и возвелъ въ достоинство графини Романовой, постигла трагическая участь; она была такой же красавицей какъ и ея мать; но она была слабаго здоровія и умерла 17 лѣтъ отъ роду наканунѣ дня назначеннаго для ея свадьбы съ графомъ Андреемъ Шуваловымъ. Эммануилъ Нарышкинъ, также сынъ Александра I, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимая должность оберъ-гофмаршала императора Николая II.

Нарышкина, однако не оставалась вѣрной своему царскому любовнику, и обманывала мужа и Александра поочередно съ княземъ Гагаринымъ, который за это былъ высланъ заграницу, и съ адъютантомъ Александра, съ графомъ Адамомъ Ояровскимъ. Однажды Александръ пожелалъ посѣтить Нарышкину на ея дачѣ въ Петергофѣ; пріѣздъ его тамъ вызвалъ цѣлый переполохъ; царь увидѣлъ, какъ адъютантъ его искалъ спасенія въ платянномъ шкапу. Царь былъ пораженъ и обратился

къ своему адъютанту со словами: „Ты похитилъ у меня самое дорогое. Тѣмъ не менѣе съ тобой я обращусь и дальше какъ съ другомъ. Твой стыдъ будетъ моей местью.“ И дѣйствительно Александръ простилъ своего адъютанта, который не только остался въ занимаемой имъ должности, но и достигъ очень высокихъ ступеней служебной лѣстницы. Нарышкина же окончательно проиграла свою партію и не смѣла больше показываться на глаза императору. Послѣ смерти ея мужа и императора она выѣхала въ Германію, поселилась въ Тегернзее близъ Мюнхена, и умерла тамъ въ 1854 году.

Послѣ разрыва съ Нарышкиной Александръ снова зажилъ съ супругой своей Елизаветой Алексѣевной, и слѣдуетъ лишь удивляться той любви и самоотверженности на которую была способна императрица, съ которой она приняла легкомысленнаго и заставлявшаго ее такъ много перестрадать, супруга. Но уже было поздно, время счастья и супружеской любви было отмѣрено чрезвычайно скупо. 21 ноября 1825 года уже умеръ Александръ въ Таганрогѣ и черезъ нѣсколько недѣль, на пути слѣдованія его останковъ въ Петербургъ, сопровождая тѣло своего супруга, скончилась въ городкѣ Бѣловѣ.

Во время одного изъ путешествій по югу Россіи скончался Александръ Благословенный въ Таганрогѣ.

Относительно этой смерти не замедлила образоваться легенда о томъ, что царь вовсе не скончался, а что вмѣсто него положснь въ гробъ другой трупъ, обыкновеннаго смертнаго. Русская исторія полна о такихъ легендахъ, полна самозванцами и полна вѣрой въ несуществующіе самозванцы. Не даромъ же слово „самозванецъ“ почти что не переводимо ни на одинъ изъ иностранныхъ языковъ. По поводу легенды о томъ, что Александръ вовсе не умеръ, а отправился въ Сибирь въ качествѣ отшельника, не стоило бы останавливаться, если бы легенда эта не была одно время чрезвычайно распространена въ русскомъ обществѣ, и не послужила бы даже предметомъ серіознаго историческаго труда, принадлежащаго перу великаго князя Георгія Михаиловича, который въ своемъ изслѣдованіи окончательно опровергъ эту басню. Помимо любви нашего народа къ чудеснымъ сказаніямъ о смерти русскихъ царей, сказаніе о долгой отшельнической жизни Александра объясняется и тѣмъ мистически-религіознымъ настроеніемъ, въ которомъ государь этотъ пребывалъ во второй половинѣ своего царствованія, въ особенности послѣ знакомства и долгой связи его съ баронессой Крюденеръ.

Боже, если подумать на какой путь хотѣлъ и могъ этотъ государь, необладавшій никакими государственными способностями, а лишь доступный всему хорошему, поставить нашу родину; и что сдѣлалъ онъ изъ

всего того? Угнетенную и разслабленную онъ передалъ ее на изнасилованіе брату своему Николаю... грубому коронованному фельдфебелю, имя котораго теперь еще наводитъ ужасъ на всю свободолюбивую Россію.

Поступило въ продажу:

Марокъ

Амфитеатровъ, Алекс. Господа Обмановы, Ал. Амфитеатровъ (old Gentlman) сосланъ на 12 лѣтъ въ Сибирь ч. 1—3 по 1,—
за все 3,—

Андреевъ Л. Бездна . . . . 2,—

М. Горькій. Три разсказа (не пропущены русской цензурой) . . . . 1,—

— — Революціонныя пѣсни и баллады 1,—

Голосъ изъ русской арміи Разоблаченія . 2,—

Ждановъ, Сергѣй. Три мѣсяца въ „одиночкѣ" 2,—

Суккенниковъ, М. Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей . . . . 1,—

Спасовичъ Вл. Семь судебныхъ рѣчей . . 5,—

Содержаніе: I Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мервинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о Варшавскомъ „Пролетаріатѣ". — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

Вл. Короленко. Чудная . . . . 1,—
Домъ № 13 . . . . 1,—

Портъ-Артуръ . . . . 1,—

Евреи въ Москвѣ . . . . 1,—

С. Щедринъ Топтыгинъ I, II, III . . . . . 1,—

Бильбасовъ В. А. Исторія Екатерины Второй Томъ I и II. . . . . 25,—

Марокъ

Флеровскій Н. Н. Три политическія системы: Николай I, Александръ II и Александръ III. . . . . 6,—

Народныя Русскія Легенды, собранныя Аѳанасьевымъ . . . . 10,—

Л. Н. Толстой. Война и разумъ . . . . . —,60

— — Крейцерова соната 1,50

— — Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра" . . . . 1,—

— — Крестьянская революція . . . . . . 2,—

Въ настоящее изданіе вошло все, что руссской цензурой не пропущено.

Очевидецъ. — Кровавое воскресенье въ С-Петербургѣ 9—22 января 1905, наброски съ натуры, отзывы заграничной печати . . . . 1,—

Колосовъ. Смерть Плеве и Сергѣя Александровича . . . . 1,—

Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ:

Вып. I: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ** . . . . 1,—

Карповичъ. Избіеніе русской молодежи. . . 1,—

Колосовъ. Его Превосходительство . . . . . 3,—

Сущность и значеніе **конституціи** гарфа **Лорисъ-Меликова** . . . . 1,—

Новые матералы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна,** ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . . . . 2,—

Марокъ

Томъ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . 2,—

„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . 2,—

„ VIII. **Павелъ I,** его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . . 2,—

„ X. **Николай I,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . 2,—

„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—

„ XII. **Александръ III,** . . . . . . 2,—

„ XIII. **Николай II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—

А. Бебель, Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . . 3,—

Въ этой книгѣ знаменитаго вождя соціалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.

Мысли о Финляндіи . . . . —,80

Болѣзнь Александра III. . . . . 1,—

Антонъ Горемыка. Князь Потемкинъ Таврическій . . . . 1,—

Проѣзжій. Господа черносотенцы . . . . 1,—

Вильгельмъ Райнеръ, „Дарованная“ конституція и контръ-революція . . . . . . 2,—

М. И. Грантъ, графъ Витте вчера и сегодня . 1,20

Вертеръ. Очерки изъ русской революціи, разсказы, эпизоды, наброски съ натуры . 1,—

Н. Новиковъ. Армія и политика . . . . . 1,—

Продаются слѣдующіе томы:

Томъ III **Елизавета Петровна,** ея любовныя похожденія.

„ IV **Петръ III,** его дурачества и любовныя похожденія.

„ VII **Екатерина II,** ея происхожденіе и интимная жизнь.

„ VIII **Павелъ I,** его семейная жизнь, фавориты, убійство.

„ XI **Александръ II,** его интимная жизнь, правленіе.

„ XII **Александръ III,** „ „ „

„ X **Николай I,** его интимная жизнь, правленіе.

„ XIII **Николай II,** „ „ „ „

„ IX **Александръ I,** его личность, правленіе и интимная жизнь.

Типографія Левента (С. Сиднеръ)
Берлинъ SW. 68, Линденштрассе 93.